

Николай ХЛЕСТОВ

ТА ВОЙНА

Рассказ

В конце шестидесятых годов на праздник Победы собиралось больше фронтовиков. Тогда фронтовиков было значительно больше, чем сейчас. Они надевали свои награды. Торжественный звон орденов и медалей в такт небыстрым движениям победителей казался тихим колокольным звоном. Почти в каждой семье могли назвать имя, а подчас и не одно в ответ на вопрос «По ком звонит колокол?». Колокольный звон напоминал о непревзойденной, прежде всего по духу, Победе. Этот рассказ — соединение разных воспоминаний, связанных с той войной. Той войной, которая определила жизнь во всем мире на многие десятилетия.

В майской жизни ощущение радости наполняет только от того, что светит солнце. Веселое настроение приходит без особого приглашения. Можно смеяться и шутить без всякой причины. Георгий Андреевич Рябиков вызывал желание подшутить над ним сам по себе. Ходит смешно, двигается, как краб: один бок всегда у него выставлен немного вперед. Такой он беззлобный, приветливый, но не очень веселый. Казалось бы, что в этом плохого? Но коллегам в нашем министерстве виделось в нем что-то забавное. Кто-то попытался смешно передразнивать манеру говорить Рябикова, но нахала одернули.

— Будешь смешным, коли повезет испытать такое.

— А что с ним случилось?

— То и случилось, — поделились пережитым Рябикова.

Как и многие другие его сверстники, Георгий Андреевич пошел на фронт, когда немец напал на нас. Много ребят тогда рвалось на фронт. И он записался в ополчение, а ополченцев вначале посылали на курсы боевой подготовки. Курсы были короткими, бойцов не хватало, а немец был уже под Москвой. И вот вчерашних курсантов отправили на фронт.

Они долго добирались до фронта. Известно, как тогда ходили поезда. В общем, доехали, поезд прибыл к пункту назначения. Хорошо, что рядом с этим местом был небольшой лесок. Эта деталь, очевидно, сыграла решающую роль в истории. Только их часть начала выгружаться, как налетела авиация противника. Немец как будто ждал приезда этого состава. Авиаудар пришелся прямо по вагонам, откуда выгружались солдаты. Бомбежка длилась без перерыва. Как на учениях, самолеты заходили на прицельное бомбометание волна за волной. Те, кто пережил бомбежку, говорили, что ког-

---

Николай Олегович Хлестов родился в 1952 году в Москве. Дипломат, прозаик. Окончил МГИМО. Работал в нашем посольстве в Эфиопии, в различных департаментах МИД СССР и затем России. Занимался многосторонней дипломатией, участвовал во многих международных совещаниях по линии ООН. С 1998-го по 2016 год работал международным чиновником во Всемирной организации интеллектуальной собственности в Женеве. Автор книг прозы, вышедших в России и ФРГ, член Союза писателей XXI века. Дипломант премии «Писатель XXI века» в номинации «Проза» за 2017 и 2019 годы. Живет в Москве.

да бомба летит, ощущение такое, будто она нацелена прямо на тебя и именно в тебя и попадет. А жуткий вой падающей бомбы еще больше усиливал ожидание ужаса. Можете представить себе, что началось. Летят оторванные руки, ноги, головы, люди мечутся, пытаются спастись. Те, кто по счастливому стечению обстоятельств чуть раньше сошли с поезда, успели добежать до леса. Тоже не все... которым повезло. А остальным совсем не повезло. В общем, из пяти тысяч выжило пятьдесят человек. Один из них — Георгий Андреевич. Не забыть его недоумения на лице, когда он вспоминал этот поезд.

— Никак не могу понять, — говорил он, — как я выжил. Самое страшное, что я видел, — это тот самый авианалет. Почему я не погиб, как многие мои товарищи? Судьба подарила мне вторую жизнь. Почему именно мне? А дочка говорит, что я золотой мужчина. Объясняет это тем, что якобы из мужчин, родившихся в 1921, 1922, 1923 годах, выжило лишь пять-семь процентов, но очень возможно, она сильно ошибается

А Дмитрий Акимович, напротив, был веселым человеком. Этот ветеран позволял молодежи обращаться к нему запросто — Акимыч. Еще промеж себя мы называли его Дима-пулеметчик, поскольку он не раз интересно рассказывал, как проходило обучение применения пулемета во время войны. Однажды мы поинтересовались его мнением о войне и, в частности, о советском кино про войну.

— Скажи нам, Акимыч, гнали солдат на пулемет в атаку?

— По-всякому бывало. А что имеется в виду?

— Недавно показывали фильм «Солдаты». Это своего рода экранизация повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Кажется, именно в этом фильме впервые появился И. Смоктуновский. Герой упрекает командира за то, что он зазря людей положил, погнав их на пулемет.

Дмитрий Акимович подсобрался, задумался, а затем выдал:

— Вот что я вам скажу: кино про войну и собственно война — это совершенно разные вещи. Это параллельные линии, которые никогда не пересекаются.

— Подожди, Акимыч, но ведь эти фильмы делали люди, которые сами были на войне, начиная с того же Смоктуновского. Это не фальшивые агитки или сказки о том, чего не было.

— Все правильно. У нас замечательные фильмы о войне, но это не война, это кино, и относиться к этим изображениям надо как к киноискусству. Не более того. Что-то похоже, что-то могло быть так или почти так, как показывают в кино, но все-таки помните, что это кино.

— Значит, верить нашему кино нельзя, правильно, Акимыч?

— Ну, почему нельзя. Можно и даже нужно. Патриотизм надо воспитывать. Но реальность намного хуже. Что такое солдат в пехоте? Он все время куда-то идет. Как придет, отдохнуть бы, но тут же старшина приказывает: надо окапываться. Только подготовил окоп, вдруг другая команда. Начальство изменило оперативный план действий. Опять подъем, и надо идти к другому пункту назначения. Солдат хочет все время есть и спать. Постоянно дикая усталость. Показывать что? Как он хочет есть? Это, что ли, показывать? А что атака? Ну, конечно, не бегут на пулемет. Если разведка плохо сработала или напоролись случайно, тогда да, бывает. Помнится, мы так строем шли и напоролись. Первым трем рядам совсем не повезло. Мы все в осеннюю грязь так и повалились и лежали в ней до ночи. А ночью немец ракеты пускает, поэтому потихонечку, шепотом: «Ваня, Саша, Слава, ты жив» — и ползком, ползком, без шума отошли от этого места. Какой режиссер станет показывать грязь, в которой мы так долго лежали, затем отползали, потом чистились, промерзшие до костей? Это разве романтика? Где тут героизм для зрителя? А маршировать по плацу? Через два часа все мысли вместе с героизмом вылетают из башки. Особенно если это не асфальт, а брусчатка. Так

что не надо переоценивать кино, хотя, вероятно, наше кино о войне — самое лучшее, самое правдивое именно потому, что его делали фронтовики. А самый лучший фильм — это «Летят журавли».

Ему возразили:

— Да там и войну-то практически не показывают.

— А это не важно. Главное — это показывают, как себя ведут люди в экстремальных ситуациях. У всех горе, но как по-разному его переживают. А бывает, что и не переживают.

— А как для вас началась война?

— Да просто: вначале мой брат пошел записываться, а когда он ушел, то я за ним следом.

— А что брат говорил?

— Ничего не говорил. Он через три месяца пропал без вести.

— То есть вообще никаких сведений? За всю войну?

Акимыч очень будничным голосом сообщил:

— Пропал без вести — это значит, что ничего не известно. Мы даже не знаем, жив он или мертв. Да, его невеста так и не узнала, что с ним. Замуж не вышла, но и не дождалась. А таких было немало. Кто их считал? А сколько детей не родилось? Это как бы и не потери вовсе.

А в начале войны... мне запомнилось другое. Как сейчас помню, пришел в парикмахерскую и говорю:

— Тетя Лида, стриги меня под ноль. Я иду записываться на войну. Мне восемнадцать исполнилось в мае.

Помнится, стригла она меня и слезы все утирала.

— А я ей: не плачь, скоро мы фашистов разобьем, и я опять приду стричься.

Но скоро я не пришел. Я повоевал после училища год, а потом был тяжело ранен и все оставшееся на войну время по госпиталям перемещался. Так что мне повезло, поскольку все мои товарищи по роте погибли. Ни одного не осталось в живых. Подо Ржевом. Все там. После войны я однажды оказался рядом с этой парикмахерской. Зашел, спросил ее, а мне говорят: погибла тетя Лида. Под бомбежкой и погибла. В первый же год войны. Вот и не знаешь, кому в чем повезет или наоборот. Так что не стоит лить слезы раньше времени. Неизвестно, кому, что и когда достанется.

Мне вспомнилась случайная встреча в поезде в конце пятидесятых. Мы с мамой и сестрой ехали на море. К нам в купе подсел симпатичный седой мужчина. Когда я увидел страшные шрамы на руках, то спросил его, невзирая на протесты мамы, что это такое. Но он не обиделся.

— Отметины войны, — пояснил наш сосед по купе.

Мама поинтересовалась, видимо, тяжело ему досталось. На что он сказал:

— Да нет. В атаке влетел в окоп, а навстречу немец, офицер. Со страху чуть не весь магазин выпалил из автомата, а он в меня.

— Вы его убили? — поинтересовался я.

— Наверное. Я был ранен в руки и ноги и сознание потерял. Очнулся уже в медсанбате. Мне повезло... для меня война на этом закончилась, начались госпитали. Хорошо, не потерял ни руки, ни ноги.

Мать поддержала его по поводу ранений.

— Да, вы знаете, во время войны в тылу трудно было увидеть неискалеченного мужчину. Если увидишь мужчину, то обязательно без чего-нибудь: без глаз, без рук или ног. В общем, это всегда был инвалид. Казалось, что здоровые мужики просто перевелись.

Я же пытался добиться полноценного рассказа о битвах. Но ветеран был скуп на слова, и все мои попытки разговорить его оказались тщетными. В семь лет мальчишка хочет услышать о боевых подвигах, а тут «мне повезло, что ранили, и война для меня закончилась». Что хорошего? Мы так поздно родились, что уже все закончилось. Когда же успеть повоевать? Какая жалость! Я поделился этими важными военными мыслями с ветераном, но они на него подействовали совершенно непонятным образом. Он вдруг сказал:

— А ты знаешь, что некоторые люди не любят вспоминать войну.

Это вызвало еще больше изумления у меня:

— А почему?

— Ты любишь вспоминать, как тебя кто-нибудь хорошенько поколотил?

— Да, но мы же победили... — попробовал я возразить.

— Потом. Все победы потом, а вначале было отступление и была неизвестность.

Было даже трудно не сомневаться.

Почему-то я вспомнил этот разговор и спросил:

— Акимыч, это правда, что ветераны не очень любят вспоминать войну?

— По-разному... не забывайте, что мы были тогда молодыми, влюблялись. Подчас вспоминаем с удовольствием те годы тоже.

Может, и так, подумал я и поделился своими сомнениями:

— Но все же было много страшного. Мой тесть редко вспоминал блокаду Ленинграда. Как-то раз показывали по телевидению блокаду, и он обронил скупые слова:

— Дядю и тетю отвезли на известных саночках на Пискаревское кладбище. Дядю я спеленал, а на тетю сил уже не хватило. Я ее просто прислонил ко входу в подъезд.

Также как бы случайно он рассказал, что когда его подростком с другими детьми вывозили из блокадного Ленинграда по Дороге жизни, начался артобстрел. Второй грузовик, полный детей, так и нырнул под воду. Мгновенно. Только вода зашипела.

О голоде скупко говорил. Никогда не оставлял недоеденный хлеб или какую-то еду на тарелке. Лишь однажды, когда я спросил его о блокаде, тесть сказал:

— Это еще страшнее, чем ты себе представляешь.

Трудно представлять войну. Все меньше тех, кто помнит, как это было, кто пережил все это сам. Наверное, поэтому для кого-то война перестает быть страшной. Вот это-то и страшно. А вам не страшно?